

Tatyana ZAITSEVA
“I owe a lot to my teachers”

Татьяна ЗАЙЦЕВА
«Учителя дали мне
необыкновенно много»

An interview with Tatyana Zaitseva, professor of the St. Petersburg Conservatory, pianist and musicologist. T. A. Zaitseva is known to many as an explorer of the musical culture of St. Petersburg, the author of works dedicated to M. A. Balakirev, A. K. Lyadov, S. M. Slonimsky, V. V. Nilsen and other Russian composers and performers. In an interview T. A. Zaitseva talks about the years of study at the Ten-year school of the Leningrad Conservatory, reminisces about her classmates and teachers.

Keywords: T. A. Zaitseva, V. V. Nilsen, N. S. Grauerman, L. I. Zelimchan, N. P. Shchemelinova, I. A. Komarov, N. I. Golubovskaya, N. N. Naumova, D. A. Blochin, S. I. Markon, M. A. Balakirev, A. K. Lyadov, S. M. Slonimsky, the Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory.

Интервью с профессором Санкт-Петербургской консерватории, пианисткой и музыковедом Т. А. Зайцевой. Татьяна Андреевна многим известна как исследователь музыкальной культуры Петербурга, автор трудов, посвященных М. А. Балакиреву, А. К. Лядову, С. М. Слонимскому, В. В. Нильсену и другим отечественным композиторам и исполнителям. В интервью Т. А. Зайцева рассказывает о годах обучения в школе-десятилетке Ленинградской консерватории, вспоминает своих одноклассников и учителей.

Ключевые слова: Т. А. Зайцева, В. В. Нильсен, Н. С. Грауэрман, Л. И. Зелихман, Н. П. Щемелинова, И. А. Комаров, Н. И. Голубовская, Н. Н. Наумова, Д. А. Блохин, С. И. Маркон, М. А. Балакирев, А. К. Лядов, С. М. Слонимский, Средняя специальная музыкальная школа Ленинградской консерватории, Санкт-Петербургская консерватория.

Профессор Санкт-Петербургской консерватории, доктор искусствоведения, Заслуженный работник культуры России, член Союза композиторов России Татьяна Андреевна Зайцева — талантливый, разносторонний музыкант, известный ученый. Ее перу принадлежит более 200 научных работ, в том числе 6 посвященных М. А. Балакиреву — ключевой фигуре русской музыки — фундаментальных монографий, изданных в ведущих издательствах Москвы («Музыка») и Санкт-Петербурга («Композитор • Санкт-Петербург»), множество статей в сборниках и научных журналах, Православной энциклопедии, энциклопедии «Три века Санкт-Петербурга», периодических изданиях. Большинство трудов исследователя связано с инициированной ею масштабной серией «Музыкальный Петербург: прошлое и настоящее». Татьяна Андреевна — инициатор и автор-составитель 14 монографических сборников коллективных трудов и материалов о выдающихся представителях петербургской композиторской и исполнительской школ — М. А. Балакиреву, А. К. Лядову, С. М. Слонимскому, пианистах Н. И. Голубовской, В. В. Нильсене. Ею выпущено 11 нотных сборников, 4 из которых составили созданную ею серию «Из педагогического наследия М. Балакирева».

Как пианистка Т. А. Зайцева выступала в России и за рубежом (была с гастрольной поездкой в Польшу в 1996 году), вела мастер-классы и была членом жюри Юношеского конкурса пианистов в Республике Корея (1994). В качестве пианистки участвовала в церемонии торжественного перезахоронения императрицы Марии Федоровны в Петербурге, исполнив вместе с Датской Королевской капеллой (дирижер Э. Мунк) обнаруженный в одном из архивов Гимн Балакирева, посвященный императрице. Татьяна Андреевна осуществила и исследование гимна.

Т. А. Зайцева инициировала и провела фестивали, музыкальные собрания и конференции, посвященные М. А. Балакиреву, А. К. Лядову, М. П. Мусоргскому, С. С. Прокофьеву, С. М. Слонимскому в Санкт-Петербурге, Москве, Боровичах.

Более 25 лет Т. А. Зайцева занимает пост ученого секретаря Диссертационного совета при Санкт-Петербургской государственной консерватории.

В мае 2018 года Татьяна Андреевна любезно согласилась поделиться с журналом MUSICUS воспоминаниями о консерваторской школе-десятилетке, которую она в свое время окончила.

Дмитрий Брагинский. Татьяна Андреевна, как началась ваша «десятилетская» жизнь? Вы учились там с первого класса?

Татьяна Зайцева. Нет, я пришла в десятилетку достаточно поздно, в восьмой класс, после окончания семилетней детской музыкальной школы Пушкинского района. Прежде всего, хочу с неизменной благодарностью вспомнить профессора Владимира Владимировича Нильсена. Мы жили в Пушкине, куда Владимир Владимирович переехал из Ленинграда из-за болезни сердца. Поначалу он снимал квартиру, где не было инструмента, и потому ходил заниматься в Пушкинскую музыкальную школу, которая тогда располагалась в Екатерининском дворце. Однако условия были далеко не царские. В роли зала выступал просторный коридор, где я услышала в исполнении Нильсена «Лунную сонату» Бетховена.

Событием в жизни школы стал проведенный Владимиром Владимировичем открытый урок. Собрались все педагоги, разложили на коленях ноты и во время урока внимательно следили за советами мастера. Играли двое шестиклассников — Юра Перов, позднее окончивший Ленинградскую консерваторию как теоретик, и я, тем более что накануне состоялся наш совместный сольный концерт. То был первый открытый урок в моей жизни, как он должен протекать, я не представляла, а потому собралась показать Пятую сонату Бетховена, которую только-только разобрала. А Нильсен заставил

играть ее наизусть... Для меня тот урок стал трудным испытанием.

В седьмом классе встал вопрос о том, куда мне поступать. О школе при консерватории я тогда ничего не знала. К моему удивлению, Владимир Владимирович обо мне не забыл, посоветовал программу на окончание школы и согласился послушать еще раз. Тут уж я подготовилась, как следует. Урок длился часа два. Казалось, Владимир Владимирович, подобно волшебнику, открывал исполняемые произведения заново, и я ловила буквально каждое его слово. После этого установились и наши отношения. Я стала бывать у него дома, приходила к нему запросто, делилась своими детскими радостями и огорчениями. Так, однажды я открыла ему свою величайшую тайну: «Владимир Владимирович, я волнуюсь, когда играю!» Он понял всю серьезность моего признания и также серьезно ответил: «Я тоже волнуюсь, когда играю! Нужно просто делать то, что хочешь, несмотря на волнение».

Вскоре состоялся его первый после длительного перерыва из-за болезни концерт в Большом зале Филармонии. Он замечательно тонко, проникновенно играл Баха и Моцарта. Было море цветов... И вот, оказывается, такой необыкновенный артист волнуется! Для меня это стало откровением.

Нильсен был первым, кому я призналась, что хочу поступать не в училище, а в консерваторскую десятилет-

ХАРАКТЕРИСТИКА И УСПЕВАЕМОСТЬ УЧАЩЕГОСЯ
В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Татьяна Генгаренко отлично воспитанная, всегда исполнительная и хорошая ученица. Обладает многими глубоко-педагогическими качествами. Активная комсомолка. неоднократно избиралась комсоргом группы и отлично справлялась с этой работой в 11^м классе. Учителю на «отлично». «Оценки» является редкой в ее табелих. Поведение Татьяны Генгаренко безупречное всегда «5».

20/11 1973

В. В. Нильсен
с Т. Гончаренко (Зайцевой).
1972 год

ку. На год раньше туда поступил мой соученик по пушкинской школе, скрипач Аркадий Пржилуцкий. В ответ на его горделивое сообщение, что он будет там учиться, я тут же заявила: «Ну и что же!.. Ты поступил, и я поступлю!» Так и случилось, и мы даже оказались в одном классе.

Этот разговор состоялся осенью. Зимой я увлеклась фигурным катанием и все время пропадала на катке. Но весной лед растаял, и я наконец-то всерьез занялась фортепиано. Узнав о моем желании поступать именно в десятилетку, Владимир Владимирович тут же позвонил Надежде Семеновне Грауэрман, педагогу школы, попросив ее назначить время для прослушивания.

Когда я сказала своему учителю в Пушкинской школе Ефиму Григорьевичу Фарбергу, что еду прослушиваться в десятилетку, он от шока лишился дара речи. «Ты хоть знаешь, о чем говоришь?» — спросил он. «Ты знаешь, где это находится?» «Меня ответит Аркаша!» — ответила я.

Д. Б. Владимир Владимирович Нильсен часто занимался с вами?

Т. З. Нет, не часто, но каждый урок оставлял неизгладимый след. Особенно запомнился урок в Пушкинской школе, который состоялся примерно за месяц до вступительного экзамена в десятилетку. Прослушав программу и дав ряд рекомендаций, что заняло около получаса, Нильсен сказал в присутствии моего учителя Е. Г. Фарберга: «А теперь занимайся сама. Я тебе не нужен, и никто тебе больше не нужен». Я была крайне удивлена и мой педагог тоже. Но мы точно выполнили наказ Владимира Владимировича: я занималась сама.

Через месяц я поступила в десятилетку. Для меня это стало ярчайшим событием. Вся моя музыкальная

жизнь разбилась на две половины — до моего поступления туда и после.

Я начала заниматься в классе Надежды Семеновны Грауэрман, которой необыкновенно благодарна. Вот кто с удивительной тщательностью, терпеливо и настойчиво, такт за тактом открывал для меня язык музыки, учил тайнам свободного, живого ритма. Так началось мое приобщение к школе Н. И. Голубовской, ученицей которой была Надежда Семеновна.

Д. Б. Вы окончили десятилетку в ее классе?

Т. З. Нет, к сожалению, через два года она ушла на пенсию. Встал вопрос, к кому мне пойти учиться...

Нильсен сказал мне: «Тебя берет Лия Ильинична Зеллихман, ты можешь пойти в ее класс, но тогда наши с тобой отношения должны будут закончиться». Лия Ильинична пользовалась особым авторитетом в десятилетке, и мне, конечно, хотелось бы учиться у нее. Но я не могла представить себе, что прекратится общение с Владимиром Владимировичем. Поэтому я согласилась по его совету заниматься у Натальи Павловны Щемелиновой, тоже ученицы Н. И. Голубовской. Нильсен очень ценил ее, говорил, что она умеет привить ученикам особую трепетность рук, тонкость прикосновения. Однако мои занятия сводились большей частью к повторению отдельных фрагментов и похвалам моей игры. Мне было неинтересно, поэтому я с юношеским максимализмом через год сказала Нильсену, что у Щемелиновой учиться больше не хочу и не буду. Возникла проблема — я перешла в одиннадцатый класс, где переводы были запрещены. Но Нильсену удалось договориться с директором школы Петром Алексеевичем Россоловским, и я стала заниматься у Игоря Алексеевича Комарова, тогда доцента Ленинградской консерватории. Я окончила школу его

«Учителя дали мне необыкновенно много»

ученицей, поступила к нему в консерваторский класс и окончила консерваторию как его ученица.

Игорь Алексеевич — прекрасный музыкант и требовательный педагог. Он продолжил открывать мне тайны музыки разных стилей — И. С. Баха, венских классиков, романтиков, русских композиторов. Замечательно играл на уроках сам — тонко, отточено, со своей неподражаемой звуковой палитрой. Помню один из уроков, состоявшихся уже в консерватории: Игорь Алексеевич должен был уехать на гастроли, но они сорвались. С грустью он рассказывал, что не получилось сыграть с оркестром Концерт Грига. Я попросила исполнить этот Концерт мне. Он играл чудесно, с какой-то особой ностальгической доверительной интонацией. Кажется, и сейчас в моей памяти звучит эта музыка... Играть самой после его исполнения было невозможно, но тот урок-концерт остался в памяти как один из самых глубоких.

Все мои учителя в десятилетке и консерватории — члены одной музыкальной семьи, одной школы Голубовской — Нильсена. Неким центром ее стал Владимир Владимирович. Я продолжала с ним общаться вплоть до его кончины и ему обязана многим, что состоялось в моей музыкальной жизни. Едва ли не все главные герои моих научных студий появились благодаря этому уникальному музыканту. Он очень любил русскую музыку — Глинку, Лядова, Балакирева, Римского-Корсакова. В консерватории я играла Вариации Лядова на тему Глинки, не раз показывала их Владимиру Владимировичу. Он не только буквально открывал красоты этой музыки, но и часто говорил о Лядове так, как будто это был очень близкий и дорогой ему человек. И вот отсюда у меня возникло желание писать о Лядове и его музыке, а потом мои мысли властно захватил Балакирев. Нередко Нильсен говорил о таланте и неподражаемой индивидуальности его ученика по классу фортепиано Сергея Слонимского, о котором позднее я написала монографический очерк и целый ряд статей. Тем более что все они причастны к великой балакиревской Новой русской школе — не только композиторской, но и исполнительской.

Д. Б. Кого из учителей десятилетки вы хотели бы вспомнить сейчас?

Т. З. Когда я вспоминаю годы, проведенные в школе-десятилетке, то понимаю, что учителя дали мне необыкновенно много. Из педагогов общеобразовательных предметов мне хотелось бы выделить Нелли Наумовну Наумову. С тех пор, как научилась читать, я читала всегда очень много. Любовь к книге соседствовала с любовью к музыке: две этих привязанности сосуществовали параллельно. Хотя возникла и проблема: замечательной литературе противоречили скучные, неинтересные уроки по литературе. Читая, я словно переносилась в особый мир, в чудесное пространство, созданное мастерами-писателями, а на занятиях все тускло, переходя на унылый школярский язык.

Но когда у нас появилась Нелли Наумовна, все кардинально изменилось. Она пришла в школу из университета и принесла с собой особый творческий дух. Хотя

в те годы поэты-декаденты не входили в школьную программу, Нелли Наумовна знакомила нас с ними. До сих пор помню, как она читала Иннокентия Анненского:

*«Но не надо сердцу алых,
— Сердце просит роз поблѣклых,
Гиацинтов небывалых,
Лилий, плачущих на стеклах».*

...Когда я потом играла Вариации Лядова, то отчасти вдохновлялась этим стихотворением. В лядовском цикле есть одна очень тонкая и изысканная вариация на пять четвертей, где мне представлялись «лилии, плачущие на стеклах», и этот образ мне очень помогал.

Нелли Наумовна часто практиковала чтение вслух. Мы, например, довольно долго читали в лицах Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Читали мы, видимо, не очень хорошо, что и она сама признала, разочарованно констатируя: «Да, вам это не очень-то помогло...», — вероятно, имея в виду постижение особого поэтического строя некрасовских стихов.

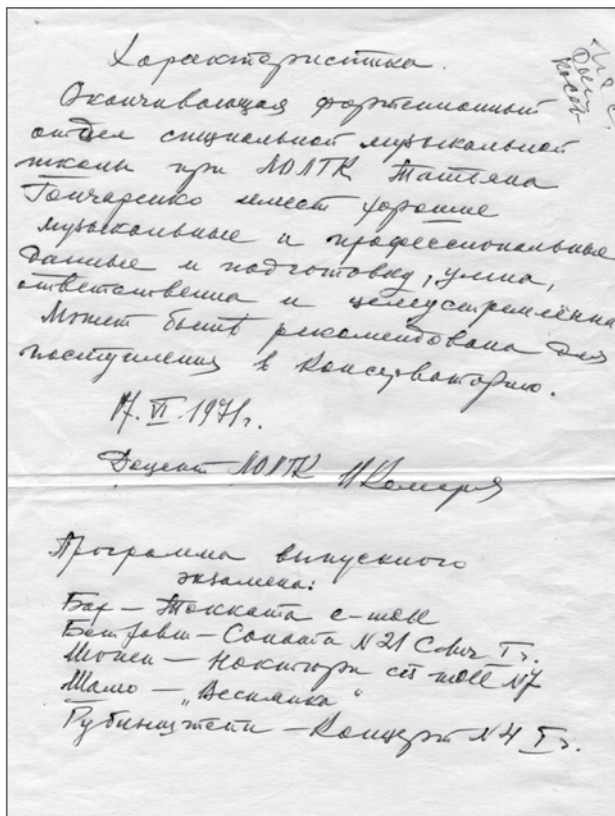
Были конкурсы на чтение стихов, поэтические вечера и концерты. Но однажды состоялось событие, которое буквально взорвало жизнь школы.

Под руководством Нелли Наумовны был поставлен целый спектакль по пьесе Максима Горького «На дне». Там выделялся один ученик школы, пианист Михаил Боярский, исполнивший роль Васьки Пепла. Но не только Боярский, ставший впоследствии великолепным драматическим артистом, но и все остальные ребята играли прекрасно, органично и естественно. В постановке участвовали только старшеклассники, а я, только-только поступившая восьмиклассница, с восторгом смотрела спектакль...

Нелли Наумовна давала и конкретные советы, которые становились жизненными максимумами. У нее была особая система: все отсутствующие на контрольных уроках получали «двойки», независимо от причин, даже уважительных. Она говорила: «Вот болеете вы все вместе, а на экзамене умирать каждый будет в одиночку». И это заставляло задуматься, что ты сам в ответе за свою жизнь, за то, что ты делаешь или не делаешь.

Запомнился и совет другого педагога — нашего математика Дмитрия Алексеевича Блохина. Он много болел и когда появился после очередной болезни, мы его встретили аплодисментами. Как-то он объяснял, как нужно решать геометрическую задачу: «Вот вам нужно найти ответ. Чтобы найти его, вы должны найти „то“ и „то“. А чтобы найти „то“ и „то“, вы должны выяснить вот „это“. И таким образом вы приходите к началу. Теперь вам ясен ход решения вашей задачи». Думаю, что этот совет тоже приложим не только к геометрии, но способен помочь в поисках решения разных жизненных проблем.

Удивительная атмосфера царил в десятилетке, по-семейному теплая, хотя и строгая. На родительские собрания приходили не только классные руководители, но и другие преподаватели. Колоритной фигурой была

Школьная характеристика
Т. Гончаренко
(Зайцевой),
написанная
И. А. Комаровым.
17 июня 1971 года

преподавательница по химии Софья Исааковна Маркон. Она часто говаривала: «У кого по химии хорошо, то и по другим предметам, включая специальность, хорошо. У кого по химии плохо, то и в остальном все плохо».

Такая требовательно-заботливая атмосфера очень согревала и помогала в учебе. Когда я поступила в консерваторию, после семейной опеки, к которой привыкла в десятилетке, поначалу было неуютно. Иногда казалось, что ты никому не нужна, кроме педагога по специальности.

Д. Б. Какие яркие события школьной жизни вам запомнились больше всего?

Т. З. Наша школьная жизнь была насыщена событиями. Обсуждалось не только то, что происходило в самой школе, но и за ее пределами, тем более что это нередко переплеталось. Едва ли не самым ярким событием тех лет стало участие пианиста Григория Соколова — воспитанника школы из класса Л. И. Зелихман — в Международном конкурсе имени П. И. Чайковского в Москве. Он и занял первое место. Благодаря конкурсу мы открыли для себя замечательного американского пианиста Мишу Дихтера, не пропускали ни одного из его концертов.

В школе постоянно продавались билеты на концерты, и можно было выпросить «лишний билетик» и послушать лучших мировых музыкантов. Незабываем концерт, которые дали Давид Ойстрах и Святослав Рихтер, памятны концерты пианистки Анни Фишер. И, конечно, уроками были концерты наших педагогов — В. Нильсена, И. Комарова, Н. Перельмана, П. Серебрякова. Такая

включенность в ленинградскую музыкальную жизнь в роли заинтересованных слушателей тоже стала школой профессионального мастерства.

Запомнился и школьный конкурс на лучшее исполнение бетховенских концертов. Лия Ильинична Зелихман поставила мне тогда высшую оценку — десять баллов. Важно и то, что школьники часто слушали друг друга, поэтому на конкурсе зал был полон.

Д. Б. Вспоминаются ли вам какие-нибудь школьные шалости?

Т. З. Шалости, конечно, случались. Для нас оазисом веселья были уроки гражданской обороны, которые вел Соломон Борейша. Он был белорус и говорил с особым акцентом. Как-то раз он объяснял устройство противогаза и сказал: «Противогаз состоит из шлема и тесОмок». Мне послышалось: «Противогаз состоит из шлема и тесанок», я так и записала в тетради. Аркаша Пржилуцкий готовился по моей тетради, поэтому, когда он сказал: «Противогаз состоит из шлема и тесанок», Борейша взвился: «Каких тесанок!!! ТесОмок!!!», а класс долго не мог успокоиться.

Одной школьнице, которая веселилась на уроке, он гневно приказал: «Выйди вон, наглядка!» Мы зашлись от смеха, а наглядка вышла вон и пошла в соседний класс, где стоял рояль, и вскоре оттуда полились знойные восточные мелодии, так как та девушка была армянкой.

Д. Б. Вы жили в интернате десятилетки?

Т. З. Нет, все эти годы я жила в Пушкине и ездила каждый день в школу. Тогда транспорт ходил лучше, до-

Т. Гончаренко
(Зайцева) и ее
одноклассники

биралась я на электричке и 11-м трамвае. Это занимало примерно час с четвертью. Если я уходила из дома в час пополудни, а возвращалась в девять вечера, это был свободный день. А обычно выходила из дома в десять утра и обратно возвращалась домой в девять. В электричке и трамвае удавалось делать уроки. Помню один забавный случай, когда я заканчивала задачу по математике в трамвае, который дребезжал и дрожал, дрожало и перо в моей руке, почерк был неустойчив. Рядом сидел какой-то пожилой мужчина, он посмотрел в мою тетрадь и сказал: «Да, я бы за такое только двойку поставил!» «А я уверена, что получу пятерку!» — ответила я. Так потом и случилось.

Д. Б. А вы готовили что-нибудь особенное на выпускной вечер?

Т. З. Нет, у нас капустника не было. Вечер протекал скорее как отдых после экзаменов, длившихся месяца полтора. Нас приветствовал директор школы Петр Алексеевич Россоловский и проректор консерватории Флавий Васильевич Соколов.

Они говорили, что нам нужно идти именно в консерваторию, что мы окончили школу при консерватории, двери которой открыты, прежде всего, для нас. Очень ругали, кстати, Михаила Боярского, который после десятилетки вероломно выбрал Театральный институт.

Расслабляться было некогда. Почти сразу начинались вступительные экзамены.

Д. Б. Кого из одноклассников вы помните?

Т. З. У нас был замечательный класс, из которого вышли яркие музыканты. Многие после школы поступили в Московскую консерваторию и ныне стали ее профессорами — скрипачи Народный артист России Сергей Гиршенко, Заслуженный артист России Михаил Готсдинер, Заслуженный артист России пианист Станислав Иголинский. Его брат, скрипач, Заслуженный артист России Владислав Иголинский — профессор Московской консерватории и Российской академии музыки имени Гнесиных. Скрипач Алексей Шалашов, Заслуженный деятель искусств России, ныне — директор Департамента современного искусства и международных культурных связей Министерства культуры РФ, президент Союза концертных организаций России. Окончил Московскую консерваторию по классу Игоря Ойстраха скрипач Аркадий Пржилуцкий, который рано умер — ему было всего двадцать семь лет. С ним я дружила особенно тесно. Он тоже жил в Пушкине, и мы часто ездили в школу вместе. Не прекращается и поныне наше общение с Ириной Безугловой, в настоящее время заведующей Отделом нот и звукозаписей Российской национальной библиотеки.

Были у нас и музыканты, которые предпочли мир эстрады. Как пианистки в нашем классе учились певица Ирина Понаровская и композитор Лора Квинт.

То было незабываемое время. И я очень благодарна вам, Дмитрий Юрьевич, за предоставленную мне возможность хотя бы на время вернуться в чудесные «десятилеточные» годы.

С Т. А. Зайцевой беседовал Д. Ю. Брагинский

Преподаватели и руководство Средней специальной

¹ Редакция выражает благодарность Т. А. Зайцевой за предоставленные фотографии из школьного выпускного альбома 1971 года.

«Учителя дали мне необыкновенно много»

музыкальной школы Ленинградской консерватории¹

